

- 8 -

- Эй вы, орлы!

Кто- то машет рукой с проезжающей повозки. Как будто Калужский - помощник по тылу. Сидит на повозке и машет рукой.

- Давайте, давайте сюда!

Подходим. Так и есть - Калужский. От него пахнет водкой, гимнастерка расстегнута, гладкое лицо с подбритыми бровями красно и лоснится.

- Залазьте в мой экипаж! Подвезу домой. Трамвая все равно не дождетесь. - Он протягивает нам руку, чтобы помочь влезть. - Водки хотите? Могу угостить.

Мы отказываемся, не хочется что-то.

- Напрасно. Водка хорошая. И закусить есть чем, дополнительный паек не успели раздать. Масло, печенье, консервы рыбные. - Он весело подмигивает и хлопает дружески по плечу. - А хлопцев своих на те повозки сажайте. Со мной весь склад вещевого едет, пять подвод.

- А вы куда путь держите? - спрашиваю я.

- Наивняк. Кто такие вопросы теперь задает? Едем, и все. А тебе куда надо?

- Я серьезно спрашиваю.

- А я серьезно отвечаю. До Сталинграда как-нибудь доберемся.

- До Сталинграда?

- А тебя что, не устраивает? В Ташкент хочешь? Или в Алма- Ату?

И он бурно хохочет, сияя золотыми коронками. Смех у него заразительный и сочный. И весь он какой-то добротный, не ущипнешь...

- Наших не встречал? - спрашивает Игорь.

- Нет. Бойцов только, и то мало. Говорят, что майора и комиссара убило. Максимов будто в окружение попал. Жаль парня, с головой был. Инженер все-таки...

- А где твои кубики? - перебивает Игорь, указывая глазами на его воротник.

- Отвалились. Знаешь, как их теперь делают? - Калужский прищуривает глаз. - Наденешь, а через три дня уже нет. Эрзац...

- И пояс у тебя как будто со звездой был.

- Был. Хороший, с портупеей. Пришлось отдать. Фотограф дивизионный выклянчил. Вы знаете его - хромой, с палочкой. Неловко отказывать как-то. Уж больно канючил. Может, все-таки по сто грамм налить?

Мы отказываемся.

- Жаль. Хорошая, «московская». - И он отхлебывает из фляжки, закусывает маслом, просто так, без хлеба. - Мировая закуска. Никогда не опьянеешь. Обволакивает стенки желудка. Мне наш врач говорил. Тоже головастый. Два факультета кончил. В Харькове. Я даже диплом видел.

- А он где, не знаешь?

- Не знаю. Вырвался, вероятно. Не дурак, куда не надо - не лезет. Калужский опять подмигивает.

И он долго еще говорит, отхлебывая время от времени из фляжки и облизывая короткие, жирные от масла пальцы. Иногда он прерывает свой рассказ и переругивается с соседними подводами, с застрявшими и мешающими проехать машинами, с ездовыми, потерявшими кнут или прозевавшими колодез. Все это мимоходом, хотя и не без увлечения и определенного даже мастерства.

А вообще на вещи он смотрит так. Дело, по- видимому, приближается к концу. Весь фронт отступает, - он это точно знает. Он говорил с одним майором, который слышал это от одного полковника. К сентябрю немцы хотят все кончить. Это очень грустно, но это почти факт. Если под Москвой нам удалось сдержать немцев, то сейчас они подготовились «дай бог как»... У них авиация, а авиация сейчас это все... Надо трезво смотреть в глаза событиям. Главное через Дон прорваться. Вешенская, говорят, уже занята, - вчера один лейтенант оттуда вернулся. Остается только Цимлянская. Говорят, зверски бомбит. В крайнем случае повозки можно бросить и переправиться где-нибудь выше или ниже. Между прочим, - но это под большим секретом, - он выменял вчера в селе три гражданских костюма, рубахи, брюки и какие-то ботинки. Два из них он может уступить нам - мне и Игорю. Чем черт не шутит. Все может случиться. А себя надо сохранить - мы еще можем пригодиться родине. Кроме того, у него есть еще один план...

Но ему так и не удастся рассказать нам свой план. Сидящий рядом со мной и молча ковыряющий ножом подошву своего сапога Игорь подымает вдруг голову. Похудевшее, небритое лицо его стало каким-то бурым под слоем загара и пыли. Пилотка сползла на затылок.

- Знаешь, чего сейчас мне больше всего хочется, Калужский?

- Вареников со сметаной, что ли? - смеется Калужский.

- Нет, не вареников... А в морду тебе дать. Вот так вот размахнуться и дать по твоей самодовольной роже... Понял теперь?

Калужский несколько секунд не знает, как реагировать - рассердиться или в шутку все превратить, но сразу же берет себя в руки и с обычным своим хохотком хлопает Игоря по колену.

- Нервы все, нервы... Бомбежки боком вылезают...

- Иди ты знаешь куда со своими бомбежками и нервами! - Игорь с треском закрывает складной нож и кладет его в карман. - Командир тоже называется... Я вот места себе найти не могу от всего этого. А ты - «мы еще можем пригодиться родине». Да на кой ляд такое дерьмо, как ты, нужно родине! Ездового хоть постыдился бы -такие вещи говорить!

Ездовой делает вид, что не слышит. Калужский соскакивает с повозки и бежит ругаться с шофером. На его счастье, здоровенный додж преградил нам дорогу. Мы с Игорем перебираемся на другую подводу.